

После этого военные действия продолжались ещё несколько дней - будто бы потерпевшие сокрушительное поражение Реалисты хотели ещё немножечко продлить это садомазохистское удовольствие. Однако это была скорее жалкая пародия на войну, какая-то неудачная карикатура на неё. Вояки превратились в трусливых мальчишек, а часть Реалистов вообще начала браться с некогда злейшим врагом. Им устраивали допрос с пристрастием; лишь чистый и нетронутый падалью имел право стать другом анимационным кадаврам, остальным вонзали заточку в жопу - ведь, как говорили люди, устроившие репрессии против той орды гомосеков, конюхов и танцовщиц, которую лучший из римских императоров Гелиогабал выбрал себе в сановники - пусть умрут, как жили. Танки катились назад - жаль, не до штаба Реалистов, который был слишком хорошо защищён, чтобы его могли взять с ходу. Луи Максвелл был вне себя от гнева, но уже ничего не мог решить. Послать ещё войск он не мог: он уже после гибели Альмиража отправлял дополнительный контингент войск, но тот едва ли не в полном составе сбежал, между жизнью и спорной славой благоразумно выбрав жизнь. Последняя стая освальдов, сброшенная на Барнаул, была истреблена. Хотели кинуть в бой Римусов, но их решили закинуть в Африку, желая сохранить хотя бы её. Попытка побомбить Барнаул напоследок тоже не увенчалась успехом: сбили большую часть самолётов, а новые Луи Максвелл уже не мог себе позволить. Сбежавших не преследовали; были дела и поважнее - например, анимкады, устав от войны, решили устроить разнузданный праздник. Плюнув на то, что вонь пороха ещё не развеялась, а крики умирающих ещё доносились эхом, они нажрались водяры и прочего бухла, которое ещё оставалось в разрушенном городе, после чего начали буяннить, устраивать оргии и бить друг другу рожи.

Анимкады и без того не особо верили в смерть, не считая себя живыми; а война окончательно привела к её инфляции. Всем уже было тотально насрать.

Данная вакханалия продолжалась ровно четыре дня. Кто-то её даже не пережил. Увидев такое зрелище, последние закалённые в боях с анимкадами ветераны эвакуировались.

Какое настроение стояло в ставке Реалистов, я описать не смогу словами, даже если использовать исконную русскую матершину. В идеях Реалистов разочаровались многие. Кто-то вообще начал считать, что лучше стать анимкадом самому, чем рвать жопу ради этих кровожадных маньяков, которые панически бегут, как только появляется угроза? Человечество многим оказалось не нужно - особенно в нынешний, эгоистичный век, когда выдумать химеру, ради которой можно убить и умереть, всё сложнее и сложнее. Если ради чего и оставалось стремление пойти на амбразуру, так это "за други своя". Призыв умереть за веру оборачивался подсчётом того, сколько служители культа тратят себе на часы, а призыв умереть за Родину становился синонимом гибели за чужой капитал. Всё было по Марксу: отчуждение труда плавно перетекало в отчуждение победы - ведь что ты сам от неё получишь, кроме блестяшек, бидона попрошайки и отпиленных рук?

Анимкадам жить оказалось проще, чем людям.

Маша мечтала стать принцессой. Стёпа был монархистом - теперь его потаенное желание вальсировать на вощёном паркете и хрустеть французской булкой осуществилось, пусть и в государстве, которое в миллиард раз меньше Российской империи - новая монархия занимала лишь часть Барнаула.

На флагшток перед трибуной Карим поднял синие труханы в белый горошек - флаг нового королевства. На чудом уцелевшей стене дома висела надпись "Королевство Осипения" с ошибкой - Барсик мало того, что писал как курица лапой, так ещё был в край неграмотен.

-Объявляю всем своим подданным, что с этого дня в этом квартале вводится наша власть. - сказала Маша.

-На раёне, ёпта. - сказал Карим.

-Или, как говорит мой приятель, на районе.

-Да. - заявил Барсик. Доска под ним нагло скрипнула, но даже это не умаляло величия этой мистерии.

Раздались аплодисменты. Когда-то в этом дворе Стёпа сжигал мангу; теперь он со своей подружкой стоял в толпе, усеянный орденами. Когда-то сюда приезжала Маша со своими друзьями; теперь она стояла в картонной короне вместе с "регентом" Барсиком на наспех сколоченной трибуне(обещали сделать настоящую, золотую, но не сейчас). Когда-то здесь бомбили старый город; теперь здесь рождался новый порядок, новая реальность, которую не смогли уничтожить апологеты старой.

С этого времени королевство Осипения вступило в свой суверенитет, как шлёпанец в собачью кучку. Его уже некому было оспорить. Точнее, наверняка ещё поднимутся мародёры, которые будут недовольны исходом передела земель. Придут какие-нибудь науськанные Реалистами ополченцы - ведь сторонники Луи Максвелла неспособны понять, что они здесь не нужны. Возможно, кто-то захочет устроить на руинах старого мира Гуляй-Поле или расовую войну, а то и вовсе власть каких-нибудь сраных хотепов, но на стороне одиннадцатилетней девочки находится абсолютное большинство анимкадов - ведь она была одним из немногих барнаульских скрабблеров, а следовательно - она сама по себе излучала некоторую ауру власти, за которой мультяшки тянулись. Её "подвиги" - такие, как создание Сиреноголового, который уничтожил значительную часть оппонентов, прославлялись анимкадами. Так что все, кто позарится на её скромные владения, ляжет костыми. Справились со всемирной организацией - справимся и с бандами, как говорится!

Чем дальше, чем сильнее Дашу отдирали от человечества.

Но всем было уже всё равно.

Главное, что победа была в руках у анимационных кадавров.

Шнурок меж тем сочинил гимн Осипении, который был краток, трогателен и в то же время нелеп:

Быть может, мы - не великая держава

Но есть у нас свой путь к счастью народному

Мы, словно знамя анимкадов

Мы не сдадимся в руки диким врагам!

Эх, Осипения родная...

Ты молода и так красива.

Мы волю принесли ей, славу!

Да будет в Осипеньи сила!

Система его, конечно, пожурила и заставила ещё раз прослушать полный набор собственных характеристик, но это были мелочи. "Гимну" дали зелёный свет, и его первый раз сыграли: Карим умудрился откуда-то достать колонки.

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1977523>